

Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК

Александр Владимирович Ломанов, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова,
Москва, Россия

Контактный адрес: a_lomanov@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые этапы эволюции идейно-политических подходов руководства КПК к религиозной деятельности с начала XXI в. Опорными точками исследования стали китайские трактовки проблем «адаптации к социалистическому обществу» и «китаизации». Главной задачей является выявление соотношения преемственности и инновации в религиозной политике китайских властей с учетом исторического контекста происходящих перемен и отклика со стороны религиозных кругов. С опорой на методы дискурс-анализа предпринята попытка продемонстрировать сложность и многогранность проблемы «китаизации», обрисовать контуры целостного сбалансированного подхода к изучению данной темы. В первой части статьи рассмотрены основы сформулированной при Цзянь Цзэмине политики направления религии в сторону «соответствия социалистическому обществу». Во второй части проанализированы основные компоненты концепции «китаизации» религий Си Цзиньпина. В статье рассмотрены основные направления «китаизации», принятые официально признанными религиями, охватывающими сферу вероучения и богослужебной практики, практическую работу с верующими, программы подготовки священнослужителей. Подчеркнуто, что одностороннее редуцирование «китаизации» к политике «репрессий» мешает смотреть вглубь проблемы, видеть ее исторические и культурные аспекты. Сделан вывод, что «китаизация» религий поможет не допустить социально-политической маргинализации религий в ходе глубоких трансформаций, через которые проходит современный Китай.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

КПК, Си Цзиньпин, китайская культура, государство, общество, религиозная политика

Введение

Положение религий в современном Китае заслуживает изучения не только потому, что речь идет о многонаселенной и могущественной державе, стремящейся стать первой по размеру экономикой мира. Траектория развития Китая все меньше напоминает о судьбе бывшего СССР. Китайское руководство сумело найти путь к процветанию в условиях рыночной экономики, однако увеличение доли населения со средними доходами не привело к продвижению в сторону политической демократизации. Напротив, за минувшее десятилетие власть партии заметно окрепла, после периода относительной «деидеологизации» потребительского общества официальная идеология восстанавливает свои позиции.

Вслед за транзитологией ослабли аналитические позиции религиозной компаративистики, основанной на отождествлении сходных этапов в истории СССР и КНР. Подъем воинствующего атеизма, волны гонений и страданий, секуляризация общественной жизни в этой схеме завершаются «религиозным ренессансом»¹. Однако в случае Китая революционный переход «от *дао* к Мао»² не завершился столь же решительным посткоммунистическим возвращением к религиозному «пути-*дао*». КПК сохранила контроль над религиозной сферой и не собирается выпускать его из рук. Надежды зарубежных аналитиков на безудержное параллельное продвижение политической либерализации и религиозного возрождения оказались необоснованными. Отечественные исследователи внимательно изучали деятельность религиозных конфессий в Китае в эпоху реформ в контексте эволюции политики государства³, избегая давать завышенные оценки степени «десекуляризации» китайской общественной жизни.

В середине 2010-х гг. партийно-государственный лидер Си Цзиньпин провозгласил курс на «китаизацию» религий под руководством КПК⁴. Очевидное движение Китая в сторону укрепления власти партии и ухудшение отношений Пекина со странами Запада сформировали негативный контекст для восприятия перемен в религиозной политике КНР иностранными наблюдателями. Акцент на «контроле и репрессиях» сопровождался рассуждениями о том, что ныне на место антирелигиозной политики Мао Цзэдуна, опиравшейся на марксистское учение о классовой борьбе, пришла идеология «этнорелигиозной борьбы», которая якобы порождает в Китае «новые жертвы и страдания»⁵.

Зарубежные исследователи зачастую сводят религиозную политику Си Цзиньпина к усилению административного давления на незарегистрированные религиозные общины, к борьбе за подчинение и послушное поведение верующих⁶. Проблема в том, что попытки искать проявления «китаизации» в демонтаже крестов протестантских храмов или архитектурных элементов мечетей порождают чрезмерно упрощенное понимание современной китайской религиозной политики.

1 Marsh 2011.

2 Ibid., 150.

3 Горбунова 2008; Кузнецов 2002; Янгуттов 2020.

4 Chang 2018; Vermader 2019.

5 Madsen 2019.

6 Wang 2019, 90–92.

Понимание трансформации китайского подхода к религиям требует внимательного изучения изменений в идеологии и политике КПК. Целью данной статьи является выявление соотношения преемственности и инновации в религиозной политике китайских властей с учетом исторического контекста происходящих перемен и отклика со стороны религиозных кругов. С опорой на анализ выступлений руководителей КПК проведено исследование эволюции подходов власти к религиозной деятельности. Предпринята попытка продемонстрировать сложность и многогранность проблемы «китаизации», обрисовать контуры целостного и сбалансированного подхода к изучению данной темы.

Адаптация к социализму: политика Цзян Цзэминя

Исходные положения современной политики КНР в религиозной сфере были сформулированы в 1982 г., вскоре после перехода к осуществлению политики реформ и открытости. Государство отказалось от подавления религиозных общин и взяло курс на их контролируруемую интеграцию в жизнь общества. Ключевым идейно-теоретическим обоснованием новой политики стало признание долгосрочного существования религий в социалистическом обществе. Марксистская теория отмирания религии не была дезавуирована, что помогло сохранить идеологическую легитимность власти КПК. Однако нормативной стала точка зрения, согласно которой нельзя избавляться от религий искусственным образом с помощью административного давления и массовых политических кампаний.

Со временем происходившие внутри Китая и за его пределами перемены потребовали внести коррективы в религиозную политику. Первоначально внимание властей было сосредоточено на деятельности пяти официально признанных конфессий (даосизм, буддизм, ислам, католицизм, протестантизм), обладающих общенациональными органами религиозного управления. Споры вокруг деятельности, возникшей в начале 1990-х гг. секты «Фалуньгун», увенчавшиеся массовой акцией протеста ее последователей в центре Пекина в апреле 1999 г., заставили китайское руководство по-новому посмотреть на влияние нетрадиционных культов на внутривластную стабильность. Теракты в США 11 сентября 2001 г. напомнили о том, что религиозный фактор не утратил влияния на мировую политику и безопасность.

В декабре 2001 г. ЦК КПК и Госсовет КНР созвали первое всекитайское совещание по религиозной работе. На этом мероприятии с докладом «О проблемах религии» выступил партийно-государственный руководитель Цзян Цзэминь. Он признал, что у ставших поводом для начала глобальной кампании борьбы с терроризмом событий 11 сентября 2001 г. был «религиозный фон», а исполнители терактов были религиозными экстремистами¹. Произошедшее продемонстрировало, что религии продолжают оказывать большое влияние на политическую и общественную жизнь человечества, а для понимания возникших после завершения холодной войны международных конфликтов необходимо разбираться в религиозной проблематике.

1 Selected Works 2006, 373.

Китайское руководство признало, что религия носит массовый характер. Это мощная общественная сила, которой следует эффективно управлять и направлять в сторону «сокращения негативных элементов и содействия позитивным элементам». Цзян Цзэминь указал, что искусственное подавление религий не ведет к успеху. По его словам, об этом свидетельствуют негативный опыт «культурной революции» в Китае, история преследования христианства в Римской империи, попытки запрета буддизма в Китайской империи. Советский урок также подтвердил этот вывод: «СССР долгое время подавлял религию, однако после распада СССР религия в России и других государствах СНГ быстро развивается»¹.

Мао Цзэдун стремился поскорее построить в Китае коммунизм, что толкало КПК на ускоренный слом отжившей «надстройки» общества. В период реформ на первое место вышли задачи экономического развития с привлечением иностранных капиталов и технологий. Появилась возможность оставить «надстройку» в состоянии относительного покоя, чтобы не отвлекаться от работы над укреплением материального «базиса». Официально принятая в 1987 г. на XIII съезде КПК концепция «начальной стадии социализма» позволила объяснить, что коммунизм удастся построить лишь в очень отдаленном будущем, для достижения этой цели потребуются усилия десятков поколений. И это был дополнительный косвенный аргумент в пользу обоснования долгосрочного присутствия религий в жизни китайского общества, страдающего от издержек неравномерного развития.

Поскольку религию нельзя уничтожить, Цзян Цзэминь призвал «активно направлять религию к соответствию социалистическому обществу»². Он заявил, что адаптация религии к социальным изменениям является всеобщей исторической закономерностью: в частности, об этом свидетельствует реформация христианства в XVIII в. «Китай – социалистическая страна, религии Китая существуют и действуют в условиях социализма, они обязательно должны приспособиться к условиям социалистического общества. Это объективное требование социалистического общества в отношении религий Китая, это также объективное требование собственного существования каждой религии Китая»³.

Политика адаптации была истолкована как совпадение двух векторов: общественного запроса на трансформацию религии в соответствии с изменившимися условиями эпохи и стремлением самих религиозных общин к выживанию и развитию в новых условиях. Цзян Цзэминь пояснил, что «активное направление к адаптации» не требует отказа от религиозных верований. Однако верующие должны быть патриотами, поддерживать социалистический строй и руководство КПК, уважать закон, следовать высшим интересам государства и народа в целом. Верующим следует толковать религиозные догмы в соответствии с требованиями общественного прогресса, а также выступать против использования религии для нанесения ущерба государству и народу.

Уже тогда, в 2001 г., было сказано, что протестанты, тибетские буддисты, католики и мусульмане начали работу по интерпретации вероучения в соответствии

1 Selected Works 2006, 375.

2 Ibid., 381.

3 Ibid., 387.

с требованиями общественного прогресса. В частности, протестанты развернули «строительство теологической мысли», с этой инициативой в 1998 г. выступил епископ Дин Гуансюнь. В тибетском буддизме с 1996 г. началось «храмовое патриотическое воспитание», которое включало распространение среди верующих знаний о нормативной трактовке истории Тибета, о религиозной политике КНР и о неприемлемом характере политической деятельности далай-ламы. Китайские католики, ссылаясь на решения Второго Ватиканского собора, взяли курс на внедрение «демократической практики религии», предполагающей совместное участие в делах церкви священников и мирян. Мусульмане активно занялись «толкованием Канона» для сбора и распространения новых «поучений»¹, которые должны соответствовать Корану и требованиям эпохи, сочетать приверженность вероучению с умеренностью и неприятием радикализма, проповедовать патриотизм, миролюбие и сплоченность.

Цзян Цзэминь отметил, что речь идет не об «использовании религии» властью, а о побуждении религиозных кругов к деятельности в интересах стабильного развития общества. Социальная адаптация религии должна быть осуществлена за счет внутренних ресурсов силами китайских религиозных деятелей и мирян. Внешнее воздействие на религиозную жизнь Китая, к тому времени уже более двух десятилетий проводившего политику открытости внешнему миру, по-прежнему воспринималось как скрытая угроза.

«В течение длительного времени международные враждебные силы использовали национальные и религиозные проблемы для сдерживания или подрыва социалистических стран и неугодных им государств. В процессе распада СССР и трансформаций в Восточной Европе международные враждебные силы использовали религию. После завершения холодной войны международные враждебные силы еще интенсивнее используют национальные и религиозные проблемы, в отношении Китая осуществляют политическую стратегию озападняния и раскола»².

Примечательно, что Цзян Цзэминь упомянул о советском опыте как для иллюстрации провала политики государственного атеизма, так и для предупреждения об опасности внешнего вмешательства в религиозную жизнь, приведшего СССР к отказу от социалистического пути и однопартийной системы. Китайский лидер предупредил, что иностранные религиозные организации пытаются вернуться в Китай, восстановить «старые отношения подчиненности» и обрести контроль над религиозными общинами на территории страны. Он упомянул о поддержке «враждебными силами» деятельности далай-ламы и террористического движения «Восточный Туркестан», о стремлении иностранных протестан-

1 В китайском обиходе эти религиозные поучения именуются 卧尔兹 (фонетическая транскрипция слова арабского языка).

2 Selected Works 2006, 378.

тов расширить масштаб «евангелизации» Китая. Прозвучал призыв к бдительности в отношении многообразных форм «религиозного проникновения» в Китай из-за рубежа¹.

Основные положения речи Цзян Цзэминя стали частью политики партии в религиозной сфере на многие годы вперед. Эпоха правления Ху Цзиньтао, продлившаяся с 2002 по 2012 г., не сопровождалась появлением существенных идеологических новшеств в религиозной сфере. Китайский лидер запомнился призывом «не создавать беспокойство» («не ворожить с боку на бок», *бу чжэ-тэн*) в ходе продвижения реформ, воплотившим стремление властей избегать ненужной суеты в развитии страны².

Ху Цзиньтао активно продвигал лозунги социальной гармонии внутри Китая и строительства гармоничного мира за пределами страны, которые были распространены на сферу религии. В выступлении на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК в декабре 2007 г. он призвал к сплочению религиозных лидеров и верующих вокруг партии и правительства, пояснив, что последователи религий должны играть активную роль в экономическом и социальном развитии страны. Прежний акцент на «использовании всех позитивных элементов» внутри религий остался неизменным, но к нему добавили тезис о необходимости «способствовать гармонии религиозных отношений»³. На своем месте остались указания на недопустимость внешнего проникновения и попыток поставить китайские религиозные организации под иностранный контроль. Международный религиозный диалог власти признавали допустимым лишь на равноправной основе и в интересах продвижения «мировой гармонии»⁴.

Лозунг «активной поддержки» адаптации религий к социалистическому обществу был унаследован наряду с призывом к религиозным кругам развивать традиции «любви к государству и религии», сплоченности и патриотизма, служения обществу. Вслед за предшественником Ху Цзиньтао указывал на необходимость толкования религиозных учений в соответствии с требованиями общественного прогресса и с учетом произошедших в китайском обществе глубоких перемен. Он отмечал, что религиозные учения, мораль и культура должны содействовать установлению социальной гармонии и прогрессу, укреплять идейную и этическую основу взаимного соответствия религии и социалистического общества. В первое десятилетие XXI в. более заметным стал акцент государства на повышение роли религиозных общин в социальной поддержке и благотворительности, включая борьбу с бедностью, помощь при стихийных бедствиях, уход за инвалидами и престарелыми, содействие расширению доступности образования и медицинской помощи⁵.

Вектор китаизации Си Цзиньпина

После смены руководства КПК осенью 2012 г. начались глубокие изменения в политике и идеологии. Появился броский лозунг осуществления «китай-

1 Selected Works 2006, 390.

2 Selected Works 2016, 171.

3 Ibid., 22.

4 Ibid., 23.

5 Ibid., 23.

ской мечты» о великом возрождении китайской нации. В середине десятилетия в политико-пропагандистский обиход прочно вошло нормативное требование крепить «четыре уверенности» (*сы гэ цзысинь*) – в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой. О важности веры людей в первые три компонента говорили и в прошлом, но лишь при Си Цзиньпине неотъемлемой частью этого набора стала китайская культура. Руководство КПК подчеркивало, что экономический подъем страны должен идти в ногу с расцветом национальной культуры, Китай должен формировать собственные ценностные воззрения, опираться на традиционные идеи.

Перемены нашли отражение в подходах партийно-государственного руководства к религиозной сфере. Предвестием провозглашения новой политики стало совещание по работе Единого фронта ЦК КПК в 2015 г., на котором Си Цзиньпин призвал «активно направлять религию к соответствию социалистическому обществу, обязательно придерживаться направления китаизации религий нашей страны»¹. К прежнему тезису об адаптации к социализму добавился лозунг китаизации.

В апреле 2016 г. в Пекине прошло Всекитайское совещание по религиозной работе, на котором выступил Си Цзиньпин². Со времени предыдущего участия китайского лидера в подобном мероприятии минуло полтора десятилетия. Си Цзиньпин указал, что в деле продвижения религий к соответствию социалистическому обществу «важной задачей» является приверженность курсу китаизации. Он призвал использовать «сердцевинные социалистические ценностные воззрения» для того, чтобы направлять и обучать религиозных деятелей и массы верующих³.

Си Цзиньпин призвал развивать лучшие традиции китайской нации, использовать идеалы сплоченности и прогресса, мира и инклюзивности для того, чтобы с их помощью направлять массы верующих⁴. Он выдвинул требование поддерживать все религии в том, чтобы при сохранении основной веры, сердцевинных догматов и богослужебного устройства, они углубленно искали в религиозных догмах и правилах содержание, благоприятное для социальной гармонии, прогресса эпохи и «здоровой цивилизации». Упоминание о «гармонии» стало демонстрацией преемственности политики в религиозной сфере. Вместе с тем у Китая с приходом к власти Си Цзиньпина появились новые ориентиры, требующие сплочения верующих и неверующих – это достижение двух «столетних целей» социально-экономического развития⁵ и осуществление «китайской мечты».

1 Xi Jinping, "Consolidate and Develop the Broadest Patriotic United Front, Provide Extensive Powerful Support for the Realization of the Chinese Dream," People's Daily, May 21, 2015, accessed December 11, 2021, <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0521/c64094-27032339.html>.

2 "At the National Religious Work Conference Xi Jinping Emphasized: To Develop Socialist Religious Theory with Chinese Characteristics, Comprehensively Improve the Level of Religious Work under the New Situation," People's Daily, April 24, 2016, accessed December 11, 2021, http://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/gwxw/ttxw/202112/t20211204_443138.html.

3 Ibid. Речь идет о фиксированном наборе ценностных установок, провозглашенном на XVIII съезде КПК в 2012 г. и занявшем заметное место в идейно-воспитательной работе в минувшем десятилетии. Двенадцать социалистических ценностей условно разделены на три уровня в соответствии с носителем этих ценностей. Уровню государства соответствуют богатство и сила, демократия, цивилизованность, гармония. Уровню общества – свобода, равенство, справедливость, правление с помощью закона. На уровне индивида находятся патриотизм, любовь к своему делу, честность, дружелюбие.

4 Ibid.

5 Завершить строительство общества умеренной зажиточности «сяокан» и избавиться от крайней нищеты к столетию КПК в 2021 г., построить сильное модернизированное государство к столетию КНР в 2049 г.

Лидер КПК призвал религиозные круги создавать такую интерпретацию вероучения, которая соответствовала бы как требованиям развития и прогресса современного Китая, так и лучшим традициям китайской культуры¹. Он напомнил, что работа по адаптации религии к социалистическому обществу должна вести верующих в направлении любви к своей стране и народу, защиты единства Китая и сплоченности китайской нации, поддержки руководства КПК, социалистического строя и пути социализма с китайской спецификой. Верующие должны «активно следовать на практике сердцевинным социалистическим ценностным воззрениям, развивать китайскую культуру, старательно соединять религиозные догмы с китайской культурой», путем личного участия в реформах и модернизации вносить вклад в осуществление «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации. Си Цзиньпин подчеркнул, что успех политики КПК в религиозной сфере зависит от способности партии при осуществлении руководства (*дао* 导) «мыслить глубоко, смотреть проницательно, ухватывать точно». Партийное руководство религиозной работой должно быть направленным, сильным и эффективным, КПК должна крепко держать инициативу в своих руках.

Си Цзиньпин призвал решительно пресекать использование религии для проникновения извне, предотвращать вредоносное влияние идей религиозного радикализма. Китайский лидер рекомендовал внимательно следить за религиозной проблематикой в интернете, всеми силами пропагандировать в интернете партийную теорию религии и политический курс, «распространять позитивные голоса». Членам КПК, как и прежде, поставлено в обязанность придерживаться марксистского атеизма, строго соблюдать нормы партийного устава, твердо помнить основные цели партии, им решительно не позволено «искать в религии свои ценности и идеалы»². Это требование не было новым. Однако в период правления Си Цзиньпина идейно-воспитательная работа с членами партии обрела такой размах, а требования к идеалам и убеждениям стали настолько строгими, что из декларативного пожелания оно превратилось в часть новой реальности.

Тема китаизации религии вошла в доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., что придало ей нормативный характер. На съезде было заявлено о необходимости «придерживаться направления китаизации религий нашей страны, активно направлять религии к адаптации к социалистическому обществу»³. Формулировки остались прежними, но их порядок изменился. Китаизация вышла на первое место, оставив позади адаптацию.

Новая политика породила немало вопросов. Что означает китаизация даосизма, выросшего из традиционной китайской культуры? Каковы пределы китаизации религий, пришедших в Китай из-за рубежа, начиная от буддизма и заканчивая протестантизмом? Не было понятно, может ли китаизация способствовать примирению власти с нетрадиционными религиозными течениями с китайскими корнями, будь то выросший из практики дыхательной гимнастики и медитации «Фалуньгун» или движения христианского толка наподобие «Церкви всемогущего бога» («Восточная молния»). Однако курс на китаизацию не отменил

1 "At the National Religious Work Conference Xi Jinping Emphasized."

2 Ibid.

3 Xi Jinping 2017.

прежнего требования социальной адаптации, нейтрализующей исходящую от религиозного течения угрозу дестабилизации общества.

Лидеры пятерки официально признанных религий занялись разработкой планов китаизации, рассчитанных на годы вперед. Они затрагивали как внешние формы (религиозная архитектура, музыка, живопись), так и трактовки верования. В декабре 2018 г. Комитет по национальностям и религиям НПКСК провел обсуждение «Практические пути китаизации религий нашей страны в новую эпоху» с участием представителей пяти конфессий. Заместитель председателя ВК НПКСК Багатур подчеркнул, что китаизация религий требует руководства со стороны КПК и правительства, приверженности сердцевинным социалистическим ценностям, ориентации на решение конкретных проблем¹.

В ходе обсуждения в НПКСК проблематика китаизации религий охватила четыре направления. На первое место вышло создание «религиозной идейной системы и институциональных норм с китайской спецификой». Прозвучал призыв исходить из того, что влияние религии на людей относится в основном к области идей, поэтому приоритетом должна быть китаизация религиозной мысли. Буддисты заявили, что намерены создать идейную систему с китайской спецификой наряду с институциональной, образовательной и культурной системами. Для даосизма «китаизация» означала модернизацию доктринальной системы, приспособление ее к запросам современного китайского общества. В исламе была выделена тема китаизации архитектурного стиля мечетей. Католики сделали упор на внедрении демократической системы управления как основной институциональной гарантии китаизации церкви. Протестанты отметили, что ключевой вопрос – это способ осуществления китаизации, поставив во главу угла проблему трансформации религии.

Второе направление китаизации связано с «инновационными и многообразными» практическими мероприятиями на низовом уровне. Важное место в ходе обсуждения заняла практика различных конфессий в осуществлении «четырех вхождений» (*сы цзинь*). Речь идет о том, что флаг КНР, конституция и законы страны, ключевые социалистические ценностные воззрения, а также лучшая традиция китайской культуры должны войти в деятельность мест богослужения. Верующим следует рассказывать о нормативных ценностях, о «китайской мечте», задавать правильные стандарты морального поведения. В качестве примера низовой китаизации была упомянута демонстрация патриотизма участниками хаджа: в 2018 г. паломники из Юньнани взяли с собой в Саудовскую Аравию сделанный своими руками флаг КНР².

Третий путь ведет к «глубокой интеграции религиозной культуры и китайской культуры». Участники обсуждения напомнили, что буддизм после прихода в Китай слился с конфуцианской и даосской культурой, и это помогло сформировать обретшую популярность в народе китайскую буддийскую культуру. Во времена династий Мин и Цин китайские мусульмане занялись переводами вероучительных текстов с арабского языка, что способствовало интеграции ислама

1 Mao Lijun, "Continue to Deepen the Sinicization of Religions in Our Country," CPPCC Daily, January 7, 2019, accessed December 11, 2021, http://www.qstheory.cn/zhuanku/bkxj/2019-01/07/c_1123956695.htm.

2 Ibid.

и китайской культуры. На фоне этих успехов были и неудачи. Ватикан запретил китайским католикам поклоняться предкам и участвовать в церемониях почитания Конфуция. Этот межкультурный конфликт породил «спор о ритуалах» и привел к запрету католицизма цинским императором Канси. Обращение к истории позволило заявить, что укоренение и развитие иноземной религии в Китае невозможно без адаптации к местной культуре и социальным условиям, поэтому по пути «китаизации» движутся в сторону решения этой задачи.

Ныне христиане на пути к китаизации через проповеднические сопоставления библейского учения с идеями китайской культуры, через использование на богослужении традиционных китайских музыкальных инструментов. Даосы считают себя наследниками и хранителями традиционной китайской культуры, которую они распространяют с помощью просветительской деятельности, включая популяризацию китайской традиционной музыки, дыхательной гимнастики, навыков сохранения здоровья для пожилых людей, преподавание китайской каллиграфии и чайной церемонии.

Четвертое направление нацелено на воспитание «китаизированных» кадров священнослужителей. Для осуществления этой цели было намечено совершенствовать используемые в религиозных учебных заведениях программы и пособия. Поставлена задача добавить к воспитанию политической грамотности и передаче знаний о религии углубленное постижение будущими священнослужителями богатого наследия китайской культуры.

В 2018 г. в рамках административной реформы, нацеленной на централизацию полномочий в руках КПК, произошла реорганизация государственного управления в религиозной сфере. Ныне за эту работу отвечает Отдел единого фронта ЦК КПК. Преобразование в соответствии с моделью «две вывески – одна организация» коснулось ряда организаций, включая Государственное управление КНР по делам религий. Эта «вывеска» была сохранена для внешнего использования, тогда как на деле Государственное управление вошло в состав Отдела единого фронта¹.

«Китаизация» религий в контексте политики и культуры

Внешние оценки религиозной ситуации в Китае заметно смещаются от завышенных оптимистических ожиданий к разочарованию и бескомпромиссной критике политики Пекина. В 2017 г. длительное время работавший в Китае и неплохо изучивший религиозную жизнь страны американский журналист Я. Джонсон опубликовал статью о массовом обращении к вере простых китайцев, отчаявшихся найти себе место в нацеленном на обретение материальных благ «радикально светском обществе». Для характеристики положения дел в Китае он использовал понятие «великое пробуждение» (*Great Awakening*), описывающее подъем религиозности в США в XIX в.

Я. Джонсон признал, что этнические меньшинства КНР иногда ищут в религии «форму сопротивления репрессивному центральному государству». Однако

1 Афонина 2020.

составляющие этническое большинство ханьцы стремятся к вере не менее активно. Явно преувеличивая масштаб царящей в стране атмосферы сомнения в отсутствие сильного организующего начала, американский автор процитировал историка В. Гуссерта и социолога Д. Палмера о том, что сегодняшний Китай – это «Срединное царство, которое потеряло свою Середину»¹.

Подобные суждения не были безосновательны. Однако власть ответила на этот вызов за рамками религиозной духовности. В октябре 2016 г. VI-ой пленум ЦК КПК XVIII-го созыва провозгласил Си Цзиньпина «ядром» ЦК, подчеркнув, что на это «ядро» должны равняться все члены партии. Правящая партия, в свою очередь, заявила о себе как о «ядре» современного Китая. Утраченная «Середина» была обретена за счет усиления власти КПК и реидеологизации общественно-политического пространства.

Новая волна централизации опровергла надежды иностранных наблюдателей на то, что по мере расширения рядов китайского среднего класса и углубления духовных поисков за пределами официальной идеологии, Китай будет продвигаться в сторону либерализации и демонтажа однопартийной власти. КПК заметно укрепила свои позиции. И эта перемена не могла не затронуть религиозную сферу.

Признавая, что китайская власть стремится к усилению контроля над жизнью общества, Я. Джонсон пытался разглядеть в росте религиозности в КНР надежду на «социальные действия» против существующего порядка. Он напомнил, что среди китайских правозащитных адвокатов «непропорционально большое число христиан», заявив, что религиозные организации создают основу для «широкой трансформации» в будущем. Был сделан вывод, что Китай является не только «гипермеркантилистской» и «хрупкой» сверхдержавой, но также участником глобального поиска путей восстановления ценностного компонента в обществе, утратившем сплоченность в погоне за экономическим развитием².

Проблема «духовного вакуума» в китайском обществе не является надуманной. Однако на нее обратили внимание не только иностранцы, но и китайские власти. КПК дала на этот вызов свой ответ и заполнила пустоту «социалистическими сердцевинными ценностями». Дополнительным источником идейно-политической консолидации и возрождения веры в светлые идеалы стал лозунг «приверженности изначальным помыслам» коммунистов в преддверии празднования в 2021 г. столетия основания правящей партии.

На фоне ухудшения американско-китайских отношений трактовки китайской политики становились все более мрачными. Я. Джонсон вернулся к теме китайских религий в начале 2019 г. в ином контексте: теперь «церкви закрывают, кресты снимают, мечети разрушают, мусульман оправляют в лагеря». И все же, по мнению американского автора, эти «репрессии» свидетельствуют не о возвращении к антирелигиозной политике эпохи Мао Цзэдуна, а о стремлении властей «кооптировать» религии подобно тому, как это происходило во времена Китай-

1 Johnson 2017, 92.

2 Ibid., 95

ской империи, когда правители допускали существование разных верований, но при этом самолично проводили грань между «ортодоксией» и «ересью»¹.

Развитие китайских религий не прервалось после прихода к власти Си Цзиньпина. Однако прежний подход, когда власть старалась держать дистанцию от религиозной жизни и осуществляла вмешательство при возникновении угрозы социальной стабильности, ушел в прошлое. Китайское руководство активно устанавливает вектор развития религий, оставляя религиозным деятелям пространство для интеллектуального творчества при поисках содержательного наполнения «китаизации».

По сравнению с периодом правления Цзян Цзэминя, когда государство столкнулось с вызовом со стороны квазитрадиционного религиозного движения «*Фалуньгун*», опасений в адрес народных религий стало меньше. На этом основании зарубежные эксперты пытаются истолковать политику «китаизации» как попытку властей противопоставить «своих» и «чужих». Предполагается, что народные верования, даосизм и буддизм окажутся в более благоприятном положении по сравнению с мусульманами, католиками и протестантами, стремящимися поддерживать связи с зарубежными единоверцами и сохраняющими приверженность позаимствованным извне трактовкам вероучения. Р. Мадсен полагает, что китаизация нацелена на адаптацию религий к идеализированной версии культуры ханьского этноса. И потому «культурные аутсайдеры» – христиане, тибетские буддисты и мусульмане, в особенности уйгуры – будут подвергаться еще более жесткому давлению, чем во времена безраздельного господства в КНР марксистской идеологии².

Одностороннее внимание к административному регулированию и его уже-сточению порождает прогнозы, согласно которым Китай движется по пути Индии, Индонезии и Пакистана, где столкновение религии и политики порождает раздоры и насилие. Иностранные эксперты призывают китайское государство отступить и отказаться от нынешней религиозной политики, сопровождая эту рекомендацию рассуждениями о том, что при Си Цзиньпине китайским реформам пришел конец, и потому прежнюю политику Китая будут вспоминать с ностальгией³.

Эксперты западных правозащитных организаций склонны драматизировать ситуацию и предостерегать о том, что без немедленных реформ Китай придет к опасному кризису. Си Цзиньпина рекомендуют ослабить требования при регистрации религиозных общин, позволить им действовать за рамками «патриотических» ассоциаций, снять ограничения на почитание далай-ламы, разрешить «*Фалуньгун*», «вернуть кресты на одобренные государством церкви», различать «мирную религиозную практику от актов насилия» в ходе «преследования уйгурских мусульман»⁴. Четко осознавая невыполнимость этих советов, исследователи завершают подобные обзоры религиозной ситуации в Китае призывами к наращиванию внешнего давления на китайское руководство,

1 Johnson 2019.

2 Madsen 2019.

3 Ian Johnson, "How the State Is Co-Opting Religion in China And What It Means for the Country's Future," *Foreign Affairs*, January 7, 2019, accessed December 11, 2021, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-01-07/how-state-co-opting-religion-china>.

4 Cook 2017, 14.

неизбежно порождающими встречные претензии и недоверие к иностранным правозащитникам.

Отечественные исследователи еще в начале минувшего десятилетия обобщенно отмечали, что проблема свободы вероисповедания в КНР превратилась в острый вопрос китайско-американских отношений, и останется «камнем преткновения» в будущем¹. Во времена правления Ху Цзиньтао, кажушиеся ныне западным экспертам «ностальгическими», США активно критиковали Китай за строгое отношение к стремлению китайских католиков поддерживать связи с Ватиканом, за неприятие далай-ламы и его окружения вкупе со стремлением взять под контроль государства процесс определения реинкарнации лидеров тибетского буддизма, за жесткое регулирование религиозной деятельности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Очевидно, что с усилением китайско-американского противостояния тема «защиты религиозных свобод и прав человека» в КНР не уйдет из сферы идейно-пропагандистской полемики и станет еще более интенсивной.

Эта ситуация порождает серьезные трудности для тех, кто заинтересован в получении взвешенной и объективной информации о происходящем в Китае. Практически несовместимы друг с другом западный нарратив «ужасов концлагерей» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и китайский рассказ о «школах дополнительного обучения», помогающих людям избежать попадания в сети экстремистского террористического подполья, научиться рабочей специальности и потом зарабатывать себе на хлеб честным трудом. Пересказ одной версии событий, равно как и попытка механической компиляции двух взаимоисключающих трактовок, не позволяет воссоздать полную картину происходящего. Возрастает ценность независимого и нейтрального научного поиска, свободного от политизации и опирающегося на надежные источники.

Радение Запада о свободе вероисповедания в Синьцзян-Уйгурском автономном районе затмило прежний интерес к положению китайских католиков и протестантов. По косвенным признакам можно предположить, что в теме «гонений на ислам» оппоненты Китая видят возможность подогреть в евразийских странах мусульманской традиции недовольство политикой Пекина, усилить отчуждение, помешать реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь».

Однако четко выявить роль религиозного фактора в усилиях по созданию «антикитайского фронта» не так просто. Многие страны пытаются дистанцироваться от Китая, чтобы продемонстрировать лояльность политике США, руководствуясь соображениями блоковой политики, стремлением к геополитическому балансированию, обретения преимуществ в международной экономической деятельности. Следует внимательно наблюдать за тем, какое место среди этих факторов занимает недовольство религиозной политикой Пекина, и оказывает ли это недовольство влияние на принятие политических решений.

Шаблонные сопоставления Си Цзиньпина с Мао Цзэдуном или китайскими императорами уводят в сторону от более явных и содержательных истори-

1 Лексютина 2011, 21

ческих параллелей. Наиболее релевантным прецедентом является китайское «антихристианское движение», вспыхнувшее весной 1922 г. и продолжавшееся с перерывами до 1927 г. Эти события происходили в период существования Китайской республики, то есть уже после свержения императорской династии, но еще до прихода к власти КПК. В годы революции коммунисты и гоминьдановцы действовали вместе, они объединились под националистическими лозунгами ради избавления китайского христианства от западного контроля. «Антихристианское движение» не было направлено против верующих, атеистическая пропаганда занимала в нем малозначащее место. Важнее всего тогда было изгнать из страны иностранных миссионеров, восстановить китайский контроль над религиозными учебными заведениями, добиться того, чтобы христианские церкви перестали быть орудием внешнего давления на Китай.

«Антихристианское движение» заставило китайских протестантов задуматься не только об организационной и материальной независимости от иностранных церквей и миссий, но и обратиться к «отуземливанию» вероучения. В 1920–1930-е гг. внутри религиозного сообщества развернулись активные усилия по созданию протестантской теологии, соответствующей китайскому культурному, социальному и политическому контексту. Первая волна «китаизации» протестантизма выросла из массового патриотического движения молодежи, выступавшей с политическими лозунгами.

Заключение

Политика «китаизации» примечательна тем, что она не ограничивается требованием адаптации религий к реалиям социалистического государства. Этот вопрос для китайских религиозных деятелей был решен еще в 1950-е гг. Теперь происходит синтез наследия теологического «отуземливания» первой половины XX в. и опыта «адаптации к социализму» после образования КНР. Требование «соответствия социалистическому обществу» остается неизменным и не подлежит пересмотру. Однако в сочетании с курсом «китаизации» оно обретает отсутствовавшие прежде перспективу и глубину.

В наши дни одностороннее внимание к «репрессиям» мешает смотреть вглубь, чтобы следить за содержательными дискуссиями современных китайских теологов, относящихся к официально признанным церквям. Современные споры о сочетании вероучения с китайской культурной традицией демонстрируют очевидную преемственность с обсуждениями первой половины прошлого столетия.

Феномен появления в КНР в 1990-е гг. интеллектуальных изысканий в области «китайской теологии»¹ свидетельствует о том, что «китаизация» соответствует направлению поисков академического сообщества. Светские интеллектуалы (Ян Синань, Лю Сяофэн, Хэ Гуанху и др.) провели огромную работу по переводу и изданию теологической литературы. В контексте интерпретации христи-

1 В англоязычной литературе это течение именуют *Sino-Christian Theology*, в китайских публикациях оно известно как «китайскоязычная теология» (*ханьюй шэньсюэ*) без упоминания конфессиональной принадлежности.

анства они обсуждали проблемы этики и ценностей, изменений общества под влиянием модернизации и глобализации. Изучение теологии, церковной истории и Библии было нацелено на осмысление современной китайской идентичности и западного влияния на развитие Китая. Интеллектуалов, занявшихся глубоким осмыслением теологических проблем без личного обращения к церковной жизни, называли «христианами от культуры», нередко вкладывая в эту характеристику негативный смысл. Однако следует признать, что их попытка создать «теологию на китайском языке», обращенную к глобальной аудитории в том числе за пределами материкового Китая, была смелой и в хорошем смысле претенциозной¹.

«Китаизация» появилась в политике КПК задолго до эпохи Си Цзиньпина вне религиозной проблематики. В конце 1930-х гг. партийные идеологи поставили вопрос о необходимости «китаизации» марксизма. В 1938 г. этот лозунг взял на вооружение Мао Цзэдун, вошедший в историю партии как основоположник «китаизированного марксизма». Необходимо пояснить, что речь идет о китайской политической идеологии и теоретической легитимности правления КПК. Партия подчеркивает, что смогла добиться успеха в руководстве Китаем потому, что отказалась от копирования советской версии марксизма и обратилась к его адаптации в китайской реальности. В ходе межпартийной полемики КПСС обвиняла КПК в отступлении от «правильной линии», однако в итоге «китайский марксизм» продемонстрировал свою жизнеспособность. Этот контекст следует учитывать для того, чтобы понять позитивный смысл, который руководство КПК вкладывает в призывы «китаизации» иностранных идей.

В мае 2016 г. вскоре после выступления на Совещании по религиозной работе, Си Цзиньпин произнес программную речь о развитии философии и общественных наук. При всей очевидной разнице между религиозными доктринами и научными теориями общим знаменателем стала тема китаизации. Набор современных общественно-научных дисциплин пришел в Китай с Запада вместе с зарубежной терминологией и методологией. Китайский лидер призвал активнее заняться адаптацией системы знания к китайской реальности, придать ей национальный «стиль» и «окрас», разработать теории, способные решать специфические китайские проблемы.

Курс на китаизацию идей и институтов стал лейтмотивом правления Си Цзиньпина. Распространение этой политики на сферу религии было неминуемо. Масштаб этого проекта очень широк. «Китаизация» религий была провозглашена вовсе не для того, чтобы вооружить государство дополнительным инструментом «репрессий». Рычагов административного контроля в руках властей достаточно и без всякой «китаизации». Скорее речь идет о том, чтобы избавить религии от участи маргинализации и помочь им включиться в процесс глубоких трансформаций, через который проходит сегодняшний Китай.

Забота о будущем религий Китая обусловлена здравыми прагматическими соображениями. КПК неизменно исходит из того, что религии никуда не исчезнут из жизни страны, а ряды их последователей будут оставаться много-

1 Starr 2014.

численными. В интересах сохранения социальной стабильности и устойчивости политической системы разумно заранее позаботиться о том, чтобы эта мощная сила не осталась за бортом основного течения и была интегрирована в процесс общенационального продвижения к построению сильного модернизированного государства. Соединение запроса на политическую лояльность в форме «соответствия социалистическому обществу» с культурной адаптацией к устойчивым ценностям китайской традиции побуждает верующих идти в ногу с «новой эпохой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Афони́на, Л.А. Государственное управление КНР по делам религий после административной реформы // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 3. – С. 106–122. <https://doi.org/10.31857/S013128120010353-9>.
- Afonina, Lyubov. "PRC Religious Affairs State Administration after Administrative Reform." *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3 (2020): 106–122.
- Горбунова, С.А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. – М.: ИД «Форум», 2008. – 127 с.
- Gorbunova, S.A. *China: Religion and Power. History of Chinese Buddhism in the Context of Society and State*. Moscow: ID «FORUM», 2008 [In Russian].
- Кузнецов, В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. – М.: ИДВ РАН, 2002. – 296 с.
- Kuznetsov, V.S. *Islam in Social and Political Life of the PRC*. Moscow: IDV RAN, 2002 [In Russian].
- Лексютина, Я.В. КНР-США и проблема свободы вероисповедания // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 2 (643). – С. 16–21.
- Leksyutina, Ya.V. "PRC-USA and the Problem of Freedom of Religion." *Asia and Africa Today* 2, no. 643 (2011): 16–21 [In Russian].
- Янгутов, Л.Е. Буддизм в социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая // Oriental Studies. – 2020. – №13(2). – С. 358–367. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-358-367>.
- Yangutov, Leonid E. "Communist Party of China: Buddhism in Sociopolitical Strategies." *Oriental Studies* 13, no. 2 (October 13, 2020): 358–367.
- Chang, Kuei-min. "New Wine in Old Bottles: Sinicisation and State Regulation of Religion in China." *China Perspectives*, no. 1–2 (2018): 37–44.
- Cook, Sarah. *The Battle for China's Spirit: Religious Revival, Repression, and Resistance under Xi Jinping. A Freedom House Special Report*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2017.
- Jinping, Xi. *Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era – Report Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China (18 November 2017)*. Beijing: People's Publishing House, 2017. http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.
- Johnson, Ian. "China's Great Awakening: How the People's Republic Got Religion." *Foreign Affairs* 96, no. 2 (2017): 83–95. <http://www.jstor.org/stable/44821709>.
- Madsen, Richard. *The Sinicization of Chinese Religions under Xi Jinping*. China Leadership Monitor, 2019.
- Marsh, Christopher. *Religion and the state in Russia and China: suppression, survival, and revival*. New York: Continuum, 2011.
- Starr, Chloë. "Sino-Christian Theology: Treading a Fine Line between Self-Determination and Globalization." In *Globalization and the Making of Religious Modernity in China: Transnational Religions, Local Agents, and the Study of Religion, 1800–present*, edited by Thomas Jansen, Thoralf Klein, and Christian Meyer, 379–410. Leiden: Brill, 2014.
- Vermader, Benoît. "Sinicizing Religions, Sinicizing Religious Studies." *Religions* 10, no.2 (2019): 137–160. <https://doi.org/10.3390/rel10020137>.
- Wang, Ray. *Resistance under Communist China: Religious Protesters, Advocates and Opportunists*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019.
- 江泽民文选. 第三卷. 北京: 人民出版社, 2006. 608 页
- Selected Works of Jiang Zemin. Vol. 3*. Beijing: People's Publishing House, 2006 [In Chinese].
- 胡锦涛文选. 第三卷. 北京: 人民出版社, 2016. 660 页
- Selected Works of Hu Jintao. Vol. 3*. Beijing: People's Publishing House, 2016 [In Chinese].

Сведения об авторе*Александр Владимирович Ломанов,*

д. ист. н., профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: a_lomanov@hotmail.com**ORCID:** 0000-0003-2676-4271**Дополнительная информация**

Поступила в редакцию: 16 октября 2021.

Переработана: 4 ноября 2021.

Принята к публикации: 4 декабря 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ломанов, А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК //
Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (4). – С. 88–105.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105>

Adaptation and Sinicization: Contemporary Religious Policy of the CPC Leadership

ABSTRACT

The article examines the key stages in the evolution of the ideological and political approaches of the CPC leadership to religious activity since the beginning of the 21st century. The main points of the study were the Chinese interpretations of the problems of “adaptation to a socialist society” and “Sinicization.” The author tries to identify the relationship between continuity and innovation in the religious policy of the Chinese authorities, taking into account the historical context of the ongoing changes and responses from religious circles. Based on the methods of discourse analysis, an attempt has been made to demonstrate multi-faceted complexity of the problem of “Sinicization” and to outline the contours of all-embracing balanced approach to the study of this topic. The first part of the article examines the foundations of the policy of directing religion towards “conformity to socialist society” formulated under Jiang Zemin. The second part analyzes the main components of Xi Jinping’s concept of “Sinicization” of religions. Chinese believers are encouraged to interpret religious dogmas in accordance with the requirements of social progress and in the spirit of conformity with the best traditions of Chinese culture. The article examines the main directions of “Sinicization” adopted by officially recognized religions, covering the spheres of doctrine and liturgical practice, practical work with believers, and training programs for clergy. It is emphasized that the one-sided reduction of “Sinicization” to the state-sponsored policy of “repression” prevents researchers from looking deeper into historical and cultural aspects of the problem. It is concluded that “Sinicization” of religions will help to prevent socio-political marginalization of religions in the course of deep transformations of modern China.

KEYWORDS*CPC, Xi Jinping, Chinese culture, state, society, religious policy*

Author

Alexander V. Lomanov,

Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO).
23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

e-mail: a_lomanov@hotmail.com

ORCID: 0000-0003-2676-4271

Additional information

Received: October 16, 2021. Revised: November 4, 2021. Accepted: December 4, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Lomanov, Alexander V. "Adaptation and Sinicization: Contemporary Religious Policy
of the CPC Leadership." *Journal of International Analytics* 12, no. 4 (2021): 88–105.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105>